

УДК 81

DOI 10.18413/2075-4574-2018-37-4-562-572

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И КУЛЬТУРНЫЙ ТУРИЗМ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯЦИИ****INSTITUTIONAL DISCOURSE AND CULTURAL TOURISM:
LINGUOCULTURAL CORRELATIONS****М.Ю. Стрижнёва¹⁾, Л.М. Бузинова²⁾, С.И. Зиборов¹⁾
M.Yu. Strizhyova, L.M. Buzinova, S.I. Ziborov**¹⁾Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85,Belgorod National Research University,
Pobeda St., 85, Belgorod, 308015, Russia,²⁾Международный университет в Москве,
125040, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 17International University in Moscow,
125040, Moscow, Leningradsky prospect, 17

E-mail: sedykh@bsu.edu.ru, rluda@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности институционального дискурса, являющегося родовым понятием по отношению к дискурсу культурного туризма. Описывается структура дискурса на основе существующих концепций данного понятия. Осуществляется попытка выявить лингвистические и культурные корреляции между институциональным и туристическим дискурсами. Рассматриваются элементы терминологического корпуса, отражающего номинации видов культурного дискурса в соответствии с операционными разделами данного вида деятельности. Утверждается, что понятия «культурный туризм» и «дискурс культурного туризма» являются продуктами не столько туроператоров, сколько социальных институтов власти. Намечаются перспективы выявления лингвокультурологических и семиотических корреляций дискурсов рассматриваемого типа.

Abstract

The paper investigates the features of institutional discourse, which is a generic concept in relation to the discourse of cultural tourism. The structure of the discourse is described on the basis of the existing concepts of this concept. An attempt is made to reveal the linguistic and cultural correlations between institutional and tourist discourses. The elements of the terminological corpus reflecting nominations of discourse types of cultural discourse are considered in accordance with the operational sections of this type of activity. It is asserted that the concepts of «cultural tourism» and «discourse of cultural tourism» are products not so much of tour operators as of social institutions of power. Prospects for revealing linguoculturological and semiotic correlations of discourses of the type under consideration are outlined.

Ключевые слова: дискурс, институциональный и туристический дискурс, культурный туризм, культура, досуг, лингвокультурология, семиотика, коммуникация.

Key words: discourse, institutional and tourist discourse, cultural tourism, culture, leisure, linguoculturology, semiotics, communication.

Введение

Современное состояние общества в последние десятилетия характеризуется интенсивной деятельностью ряда активных социальных групп, в частности носителей институционального формата коммуникации и дискурса. Феномен институционального дискурса отличается высокой частотностью манифестаций и играет возрастающую роль в жизни любых социальных групп. При этом неоднозначность определения термина «институциональный дискурс» является одной из причин повышенного внимания к его исследованию в лингвистическом мире.

Являясь по сути дела «гибридным», а стало быть, сложным объектом анализа, данный тип дискурса выступает источником противоречивой, но от того не менее привлекательной информации для политологов, социальных психологов, лингвистов. В рамках данных гуманитарных дисциплин осуществляется анализ форм, прагматики и содержательной базы дискурса, в частности рассматривается его функционирование и узус в детерминированных («политически окрашенных») ситуациях [Демьянков, 2001: 118]. Институциональный дискурс коррелирует с целым рядом социально значимых типов дискурса, в частности – с туристическим дискурсом. В определённой мере туристический дискурс может рассматриваться как видовое понятие по отношению к институциональному дискурсу.

В наибольшей степени данная корреляция может быть отнесена к относительно новой рекреационной практике – культурному туризму. Следует, конечно, уточнить, что речь идёт скорее об актуальности употребления самого термина «культурный туризм», который получает наиболее активный статус за последние десятилетия в эпоху глобалистических тенденций во всех сферах человеческого существования. Данный вид деятельности находится на острие приоритетов современной экзистенции, необходимости формирования специальных компетенций и, несомненно, лингвосомиотического исследования дискурса соответствующего типа как во внутринациональном, так и в межнациональном аспектах.

Основная часть

Прежде всего, следует считать аксиомой по умолчанию, что термин «дискурс» не пользуется чёткой и общепризнанной дефиницией, охватывающей все узусы его использования. Именно по этой причине в современном научном сообществе слово «дискурс» обозначает любой аспект как исследовательской, так и экзистенциально-коммуникативной деятельности. Вполне уместно предположить, что широкая популярность термина, приобретённая им за последние десятилетия, как раз и объясняется фактом подвижности его концептуальных и семантических границ. Понятийные амбиции современных исследователей успешно удовлетворяются когнитивным «ассонансом» и часто сознательной модификацией традиционных представлений о речевых, текстовых, диалоговых формах существования языка. Иными словами, «понятие дискурса так же расплывчато, как понятия языка, общества, идеологии. Мы знаем, что зачастую наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия становятся наиболее популярными. Дискурс – одно из них» [Дейк, 1998: 124].

Различные научные парадигмы интерпретируют данный термин по-разному, а большое количество интерпретаций позволяет говорить о нём в категориях полисемичности и даже широкозначности. В рамках одной дисциплины часто не существует единого критерия для точной передачи объема значения дискурса. Это касается таких наук как лингвистика, социология, философия, политология, логика и др. По мысли У. Чейфа, «дискурс многосторонен, и достаточно очевидна ограниченность любых попыток отразить его моделирование, сведя дискурс к одному или двум измерениям» [Chafe, 1996: 49].

Практически все предлагаемые в научном мире определения вряд ли могут считаться предпочтительными, так как в строгом смысле разное смысловое наполнение одной

и той же терминологической единицы манифестирует разные репрезентации самого феномена и его функционирования.

Попробуем обосновать свою позицию в этом вопросе, обратившись к краткой характеристике использования термина во второй половине XX века. Далее осуществим попытку дать собственную дефиницию дискурса, в частности институционального, опираясь на выделенные признаки современного узуса.

Современное применение термина «дискурс» базируется на контекстном объединении в рамках функционирования сем «говорение» и «высказывание». Тем не менее, по нашему мнению, представляется возможным наметить два ключевых направления исследования или методики использования данного концепта.

Первый тип научной методики рассматривает дискурс как **речевую практику**, то есть «интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения» [Карасик, 2000 (а): 5].

Вторая парадигма трактует дискурс в качестве **сложного коммуникативного явления**, которое состоит не только из непосредственного акта создания текста, но и включающего в себя опосредованные (экстралингвистические) обстоятельства: знания о мире, мнения, стереотипы, установки, цели и мотивации автора коммуниканта [Дейк, 1989; Фуко, 1996].

Эпистемологическая основа двух концепций находится, по нашему мнению, в пятидесятых годах прошлого столетия, в корреляции с публикацией Зеллига Харриса «Discourse analysis» [Harris, 1952], описывающей метод дистрибуции в рамках функционирования сверхфразовых единств. Параллельно опубликованию метода дистрибуции Э. Бенвенист, продолжая разрабатывать теоретические постулаты высказывания (*théorie de l'énonciation*), пользуется традиционным для французской лингвистики термином «discours» в обновлённом значении в качестве характеристики речи, «присваиваемой» говорящим [Бенвенист, 1974: 139].

Как видим, два исследователя обосновывают принцип тождественности обозначения различных объектов анализа. Для Э. Бенвениста речь идёт об экспликации «локации» коммуниканта в высказывании, а для З. Харриса ключом для понимания дискурса являются последовательности высказываний, отрезки текста, большие, чем предложение.

В отечественном языкознании (шестидесятые-семидесятые годы двадцатого столетия) ни один из аспектов дискурсной проблематики не приживается, хотя по всем параметрам дискурс мог бы коррелировать со структурно-семантическим подходом того периода. Ряд отечественных учёных считает это несколько странным, так как в дальнейшем в советской науке о языке возникает и утверждается категория грамматики или лингвистики текста. Для авторитетных исследователей И.Р. Гальперина, О.И. Москальской, З.Я. Тураевой применяемый метод был недостаточен, а используемый терминологический аппарат страдал нечёткостью и неоднозначностью (разграничение таких категорий как предложение / высказывание, текст / единица текста и пр.) [Гальперин, 1981; Тураева, 1986; Москальская, 1981]. При этом недостатком структурно-семантического подхода остаётся недостаточный объяснительный потенциал для трактовки цельности и связности, как ведущим атрибутам текста.

В виду малой вероятности чисто лингвистической экспликации вышеуказанных текстовых категорий научная мысль выходит на смежные области знания, в этом плане формулируются гипотезы о роли замысла создателя [Жинкин, 1998: 36], образа автора [Ковтунова, 1986: 213]. Данные концепции со всей очевидностью коррелируют с трактовкой дискурса Эмиля Бенвениста («речь, присваиваемая говорящим»), но и это определение не всегда приживается в научном сообществе.

В зарубежной лингвистике оформление дискурсного анализа как дисциплины относится скорее к 1970-м годам. В это время были опубликованы важные работы европейской школы лингвистики текста [ван Дейк, В. Дресслер, Я. Петефи] и основополагающие работы американских исследователей, связанные с более традиционной лингвистической тематикой [Р. Лангакер, Т. Гивон, У. Чейф].

Главной особенностью всего дискурсного направления, как справедливо считает Е.С. Кубрякова, является «убежденность в том, что ни синтаксис, ни грамматика языка не могут изучаться вне обращения к его использованию» [Кубрякова, 2000, р. 10]. В этой связи можно констатировать, что дискурсное направление исследований рождается из противопоставления функционализма формализму, из столкновения взглядов на природу языка.

Формальный подход выявляется там, где исследователь предельно абстрагируется от социальных и контекстно-обусловленных особенностей использования той или иной языковой единицы, и дискурс определяется просто как язык выше уровня предложения или словосочетания. В русле же функционального подхода дискурс рассматривается в связи с использованием языка в процессе речевого общения людей, следовательно, можно говорить о зависимости определения дискурса от того, с какой целью и в каком ракурсе рассматривается само общение.

В качестве примера подобного подхода можно привести работы Т.А. ван Дейка, появление которых знаменует переход к междисциплинарному исследованию дискурса.

Концепция Тёна ван Дейка строится на основе вовлечения в анализ таких факторов, как мнения и установки говорящих, их этнический статус [Дейк, 1989]. Анализ направлен на изучение личностных характеристик носителей языка, их намерений, эмоций, предпочтений. В результате этого дискурс понимается как сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определённого текста, но и отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств – знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего. В дискурсе, по мнению Тёна ван Дейка, отражается сложная иерархия знаний, необходимая как при его порождении, так и при его восприятии. Преимущество такого понимания состоит в том, что дискурс не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, то есть рамками текста или самого диалога: говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию.

Следовательно, как справедливо отмечает Е.С. Кубрякова, концепция Т.А. ван Дейка исключительно важна именно потому, что в ней представлено многоплановое и разностороннее определение дискурса как особого коммуникативного события, «сложного единства языковой формы, знания и действия» [Дейк, 1989: 121], как события, интерпретация которого выходит далеко за рамки буквального понимания самого высказывания. Данная концепция, как представляется, оказала значительное влияние на обогащение исходного понятия дискурса за счёт включения в него большого спектра различных характеристик.

Не менее важна для нашего понимания термина «дискурс» и концепция, восходящая к работам французских структуралистов, прежде всего к Мишелю Фуко [Фуко, 1996]. Идея Фуко состоит в том, что инструментом освоения реальности является речь, речевая практика людей, в ходе которой не только осваивается, «обговаривается» мир, но и складываются правила этого обговаривания, правила самой речи, а значит, и соответствующие мыслительные конструкции. Речь в таком её понимании и следует называть, по мнению М. Фуко, дискурсом. В этом смысле дискурс – это одновременно и процесс, и результат (в виде сложившихся способов, правил и логики обсуждения чего-либо). В основании же любого дискурса лежит высказывание – «атом» речевой практики.

При таком понимании дискурс рассматривается как отложившийся и закрепившийся в языке способ упорядочения действительности, способ видения мира, реализуемый в самых разнообразных (не только вербальных) практиках, а, следовательно, не только отражающий мир, но и проектирующий и творящий его.

С точки зрения М. Фуко, понятие «дискурс» включает в себя общественно принятые способы видения и интерпретирования окружающего мира и вытекающие именно из такого видения действия людей и формы организации социума. То есть, по М. Фуко, дискурс не описывает мир, а формирует его [Фуко, 1996: 52].

«Дискурсные явления имеют место и время в качественно иной среде: социально-психологическом “человеческом пространстве“ [Harré, 1994: 31], которое конституируется общающимися индивидами, играющими соответствующие коммуникативные, социальные, культурные, межличностные, идеологические, психологические роли» [Макаров, 2002: 17].

Итак, дискурс понимается как социальная деятельность, осуществляемая с помощью или же посредством языка в условиях реального мира и реального взаимодействия людей. «Дискурс, – пишет Ю.С. Степанов, – это новая черта в облике языка, каким он предстал перед нами к концу XX века». И разъясняя смысл этой черты, исследователь указывает на «особое использование языка для выражения особой ментальности, а также особой идеологии». Учёный даёт следующее определение этому сложному понятию: «Дискурс – это “язык в языке“, но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей “грамматики“ и своего “лексикона“, как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика – в конечном счете – особый мир» [Степанов, 1995: 38].

Дискурс «диктует» свои способы синонимических замен, истинные правила, этикетные нормы. Это «возможный (альтернативный) мир» в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс – это один из «возможных миров». Само явление дискурса, его возможность и есть доказательство тезиса «язык – дом духа» и, в известной мере, тезиса «язык – дом бытия». Тезис «язык – дом бытия» принадлежит, как известно, крупнейшему философу – экзистенциалисту Мартину Хайдеггеру [Хайдеггер, 1993: 19].

Толкуемый таким образом термин «дискурс», а также производный и часто заменяющий его термин «дискурсная практика», под которым понимаются «тенденции в использовании близких по функции, альтернативных языковых средств выражения определённого смысла» [Баранов, Паршин, 2000: 246], описывает способ интерпретирования, способ говорения и в силу этого имеет определение – какой или чей дискурс. В этом случае имеются в виду правила порождения смыслов, которые принадлежат тому, кто обозначен генитивом.

Как правило, исследователи интересуются не дискурсом в самом широком смысле слова, а его конкретными разновидностями, которые задаются достаточно широким набором признаков, к которым относятся: чисто языковые отличительные черты (с высокой степенью потенциала идентификации), специфика тематических параметров, системы аргументации, методики рассуждения. В этом смысле дискурс может трактоваться как совокупность стилистики или идеологии. Сюда можно отнести следующие номинанты: «туристический дискурс», «дискурс феминисток», административно-командный дискурс и пр.

Когнитологи, говоря о языке, обеспечивающем возможность доступа к механизмам сознания и интеллекта, подчёркивают тот факт, что «своеобразно преломляются здесь, логически приводя к возможности увидеть за дискурсом (текстом, имеющим своего автора и создаваемым для выражения его позиции в определённых конкретных условиях его социального бытия) особый фрагмент ментального мира и восстановить его специфические особенности» [Кубрякова, 2000: 16].

С учётом вышеприведённых концепций предлагается понимать категорию «дискурс» как способ репрезентации метального континуума, иначе говоря, как методику вербализации и интерпретации внешних и внутренних данных, при которой окружающий мир не только отражается специфическим образом, но и происходит генерирование особой реальности, создание своего (присущего конкретному социуму) способа видения мира, расположение элементов действительности в порядке, идентификационном для национального сообщества.

Приступим к выявлению типологических признаков институционального дискурса как родового понятия по отношению к туристическому дискурсу. В этом плане мы разделяем позицию В.И. Карасика о том, что институциональный дискурс представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений. Применительно к современному обществу, по-видимому, можно выделить следующие виды институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный, туристический [Карасик, 2004].

По мнению волгоградского исследователя, институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума [Карасик, 2000 (а): 36]. Следовательно, в основе институциональных форм общения лежат определённые социальные правила и ритуализированность функционирования. Степень ритуализированности общения зависит от таких факторов, как степень знакомства, степень официальности обстановки общения, социальный статус коммуникантов.

Учитывая вышеизложенное, мы считаем, что институциональный дискурс может трактоваться как вербализуемая речемыслительная деятельность, происходящая между представителями (актантами) конкретных форм общественного устройства в детерминированных социокоммуникативных условиях [Седых, 2011]. В этом плане институциональный дискурс может выступать как синоним институциональной коммуникации, которая объединяет в себе совокупность коммуникативных шагов, нацеленных на «продвижение» образа организации или предприятия перед лицом своих подчинённых, клиентов и партнёров.

Продуктивной для нашего исследования является концепция французских исследователей, которая интегрирует туристический дискурс, в частности дискурс культурного туризма, в институциональный формат коммуникации [Picard, 1992; Седых, 2013]. Остановимся более подробно на структурных и семиотических чертах вышеупомянутой научной парадигмы.

Французская школа за последние десятилетия активно рассматривает туристический дискурс с точки зрения различных ипостасей: коммуникации [Winkin, 2001] семейных ценностей [Réau, 2005], идентичности [Picard, 1992; Lanfant, 1995; Le Menestrel, 1999], пространственных характеристик [Augé, 1994], окружающей среды и природных условий [Urbain, 2002; Rogers, 2002].

Культурный туризм, вне всякого сомнения, изобретение международных организаций. Действительно, с конца шестидесятых годов ЮНЕСКО, Международный совет по охране памятников и достопримечательностей (ICOMOS) и Всемирная туристская организация (ОМТ) занимаются туризмом и его взаимодействием с местным населением, культурой и самобытностью. Эти учреждения с Советом Европы стоят у истоков «доктрины культурного туризма» [Cousin, 2002: 31] в качестве так называемого «хорошего туризма» [Picard, 1992] – «хорошего» для туристов, местного населения, экономики и культур – в отличие от «плохого» массового туризма, который является предметом негативного отношения, также как отторгается популярный туризм, неизбежно вульгарный и являющийся экологически «грязным» [Urbain, 1993].

Концепция культурного туризма, изложенная в шестидесятых годах, развивает соответствующие экономические догмы, которые, преобразуя институциональные концепции культуры, расширяют понятие «народного достояния» и способствуют появлению «мобильности» в качестве высшей ценности современного мира. В этот период появляются различные формы культурного туризма и новые термины соответствующего типа дискурса: «*tourisme solidaire*» (солидарный туризм), «*tourisme équitable*» (справедливый туризм), «*tourisme ethnique*», «*ethno tourisme*» (этнический или этнотуризм). Данные термины принадлежат институциональному континууму или миру коммерции.

В связи с этим культурный туризм также может быть определен как «предложение», в частности, как платное культурное предложение [Collardelle, 1998], относящееся к архитектурному наследию. Здесь следуем логике работ, которые фокусируют внимание на развитии туризма как культурного наследия [Bayle, 1992], хотя в этих работах термин «продукты культурного туризма» означает наиболее часто используемые маршруты для групп, что является единственно прибыльным делом для туроператоров.

«Культурный туризм» также имеет большой успех у местных администраций (общин), так как данный вид туризма позволяет коммерчески (лингвистически и дискурсно в конечном счёте) разработать локальную «идентичность» при помощи «консультантов идентичности», которые иногда представляются как этнологи.

Создание дискурса культурного туризма было, в частности, связано с политическими, территориальными и этическими соображениями, которые ни в коей мере не учитывали мнения и интересы самих туристов и деловых кругов. Категория культурного туризма должна была быть изобретена в соответствии с эволюцией общей концепции культуры и в связи с переходом общеевропейского туристического дискурса на «французскую» доктрину культуры как результата интеллектуального труда в виде «культурных» добавок, воплощаемых в музеях и местах национального достояния, связанных с определённым, часто национальным, типом идентичности.

По мнению исследовательницы Валери Патен: «*le tourisme culturel a perdu sa vocation de signe social*» <...> «*rompant avec l'approche traditionnelle qui se voulait littéraire, sélective, esthétique, commémorative, les classes moyennes ont imposé une visite plutôt visuelle, émotionnelle, historique, scolaire, et surtout identitaire*» (культурный туризм потерял своё призвание быть социальным дискурсом, так как, порывая с традиционным подходом, который стремился быть литературным, селективным, эстетическим, памятным, представители среднего класса, в конечном счёте, навязали свою точку зрения, которая отдаёт приоритеты таким понятиям как визуальность, эмоциональность, историчность, школярство, и главным образом – идентичность) [Patin, 2012: 3].

Сегодня определение культурного туризма и дискурса осциллирует между элитарностью и популизмом, классическим гуманизмом и крайним релятивизмом в зависимости от того, кто употребляет данный термин в русле его организационных, коммерческих, политических или академических интересов.

Основным системообразующим критерием для выделения из ряда институциональных дискурсов туристического дискурса может служить тематический определитель цели «борьба за клиента». В связи с этим можно сделать вывод о том, что все коммуникативные стратегии убеждения и аргументации в рамках туристического дискурса должны рассматриваться как служащие единой цели – поддержке властных структур. Интенция борьбы за туриста – это специфическая характеристика туристического дискурса. Она имманентно присутствует во всех жанрах его существования: туристический буклет, выступление в СМИ, тендер на инвестиции в локальные проекты и пр.

На сегодняшний день культурный туризм можно отнести к автохтонной категории туризма как одному из центральных маркеров объектов национального достояния, входя-

щего в общенациональный фонд дискурсов институционального типа. С лингвокультурологической точки зрения перспективной для нашего исследования представляется триада понятий, находящихся в дифференцированных позициях в рамках французского туристического дискурса. Речь идёт о концептах «культура», «досуг» и «туризм». Дело в том, что исторически во Франции данные категории традиционно разделяются в национальном институциональном дискурсе. Это разделение закрепляется в государственных документах и в высказываниях министра культуры Андре Мальро в 1963 году: *«Il n'y aurait pas de culture s'il n'y avait pas de loisirs. Mais ce ne sont pas les loisirs qui font la culture: ce sont les loisirs qui sont les moyens de la culture»* (Нет культуры без досуга. Но не досуг создаёт культуру: досуг – это всего лишь одно из средств культуры) [Malraux, 1963]. Несмотря на переходный период быстрой смены современной туристической парадигмы начала XXI века, идея подобной дифференциации остаётся достаточно живучей в коллективном сознании и дискурсе французов.

Выводы

Поскольку дискурс, в частности туристический, – социокультурный и лингвокультурный феномен, необходимо учитывать всю совокупность обстоятельств, способствовавших его возникновению, а именно принадлежность к некой социальной и языковой общности в определённый исторический период, «социальный диалог, происходящий посредством и через общественные институты между индивидами, группами и организациями, а также и между самими социальными институтами, задействованными в этом диалоге» [Дука, 1998: 25-36].

Мы рассмотрели лишь часть явлений туристического дискурса в виде терминологического корпуса, обслуживающего, в частности, «культурный туризм». Даже беглый анализ теоретического и языкового материала позволяет говорить о возможности выявления лингвокультурологических корреляций между институциональным, туристическим дискурсом и дискурсом культурного туризма, который представляет собой относительно новый пласт материала для исследования.

Дискурс культурного туризма имеет целью ознакомить реципиента с достопримечательностями определённой территории (места, пространства), которые призваны сформировать у туриста определённый стереотип мышления вплоть до модификации его образа мышления и формы знания. Сюда относятся не только объективно существующие объекты туризма, но традиции, образ жизни, социальная среда, язык. В задачи дискурса данного типа входит ориентация на выработку у туриста «диалогичности» мышления, диалогичности как формы восприятия любой реальности.

К текстовым формам культурного туризма можно отнести любой текст, опубликованный государственной или частной организацией, которая ставит своей целью ориентировать или содействовать выработке у посетителя алгоритма предпочтительного посещения объектов локального достояния. Среди текстов туристического жанра можно выделить гостиничные каталоги, брошюры, аудиогиды, меню, путеводители и брошюры.

Таким образом, культурный туризм как институциональный дискурс в настоящее время находится в парадоксальной ситуации с точки зрения лингвокультурологии: с одной стороны, культурный туризм (дискурс) претендует на академический статус в качестве объекта исследования, с другой – терминологический корпус культурного туризма ещё не представляет собой релевантный континуум для автономной семантической эволюции языковых единиц. Иными словами, на современном этапе дискурс культурного туризма предпочтительно функционирует в поле иных дискурсов, представляя собой эволюционную перспективу для будущих лингвосомиотических исследований рекреационной деятельности человека.

Список литературы References

1. Баранов А.Н., Паршин П.Б. 2000. Речевое воздействие и аргументация. В кн.: Рекламный текст: семиотика и лингвистика. М., Издательский дом Гребенникова, 109-163.
Baranov A.N., Parshin P.B. 2000. Rechevoe vozdejstvie i argumentacija [Speech Impact and Argumentation]. In: Reklamnyj tekst: semiotika i lingvistika. Moscow, Izdatel'skij dom Grebennikova, 109-163 (in Russian)
2. Бенвенист Э. 1974. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 447.
Benvenist Je. 1974. Obshhaja lingvistika [General Linguistics]. Moscow, Progress, 447. (in Russian)
3. Гальперин И.Р. 1981. Текст как объект лингвистического исследования. М., Наука, 139.
Gal'perin I.R. 1981. Tekst kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovanija [Text as an object of linguistic research]. Moscow, Nauka, 139 (in Russian)
4. Ван Дейк Т.А., Кинч В. 1988. Стратегии понимания связного текста. В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. – М., Вып. XXIII. (in Russian)
Van Dijk T.A., Kinch V. 1988. Strategii ponimaniya svjaznogo teksta [Strategies for understanding coherent text]. In: Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Moscow, vol. XXIII. (in Russian)
5. Ван Дейк Т.А., 1989. Язык. Познание. Коммуникация. М., 312.
Van Dijk T.A., 1989. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija [Language. Cognition. Communication]. Moscow, 312 (in Russian)
6. Ван Дейк Т.А., 1998. К определению дискурса. М., [Электронный ресурс]: <http://www.hum.uva.nl/~teun>.
Van Dijk T.A., 1998. K opredeleniju diskursa. M. [Jelektronnyj resurs]: <http://www.hum.uva.nl/~teun>. (in Russian)
7. Демьянков В.З. 2001. Интерпретация политического дискурса в СМИ. В кн.: Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд-во МГУ, 116-133.
Dem'jankov V.Z. 2001. Interpretacija politicheskogo diskursa v SMI [Interpretation of political discourse in the media] In: Jazyk SMI kak obiekt mezhdisciplinarnogo issledovanija. Moscow, Izd-vo MGU, 116-133. (in Russian)
8. Дерябин А. 1998. К определению дискурса (отрывок из книги): Teun Van Dijk. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage [Электронный ресурс]: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>.
Derjabin A. 1998. K opredeleniju diskursa (otryvok iz knigi) [To the definition of discourse (an excerpt from a book)]: Teun Van Dijk. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998 [Jelektronnyj resurs]: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>. (in Russian)
9. Дука А.В. 1998. Политический дискурс оппозиции в современной России. В кн.: Журнал социологии и социальной антропологии, т. 1, № 1, 93-97.
Duka A.V. 1998. Politicheskij diskurs oppozicii v sovremennoj Rossii [Political Discourse of the Opposition in Modern Russia] In: Zhurnal sociologii i social'noj antropologii, t. 1, № 1, 93-97. (in Russian)
10. Жинкин Н.И. 1998. Язык. Речь. Творчество. (Избр. труды). М.: Изд-во Лабиринт, 368.
Zhinkin N.I. 1998. Jazyk. Rech'. Tvorchestvo. (Izbr. trudy) [Language. Speech. Creation. (Selected Works)]. Moscow, Izd-vo Labirint, 368. (in Russian)
11. Зализняк А.А. 2009. Об эволюции концепта отдыхать в русском языке. В кн.: «Слово – чистое веселье...»: Сборник статей в честь Александра Борисовича Пеньковского. М.: Языки славянской культуры, 616.
Zaliznjak A. A. 2009. Ob jevoljucii koncepta otdyhat' v russkom jazyke [On the evolution of the concept of rest in Russian] In: «Slovo – chistoe vesel'e...»: Sbornik statej v chest' Aleksandra Borisovicha Pen'kovskogo. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 616 (in Russian).
12. Карасик В.И. 2000. О типах дискурса. В кн.: Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000, 5-20.
Karasik V.I. 2000. O tipah diskursa [On types of discourse]. In: Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs: Sb. nauch. tr. Volgograd: Peremena, 5-20. (in Russian)
13. Карасик В.И. 2004. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М: Гнозис, 2004, 390.
Karasik V.I. 2004. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Moscow, Gnozis, 390 (in Russian)

14. Ковтунова И.И. 1986. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 207.
- Kovtunova I.I. 1986. Pojeticheskiy sintaksis [Poetic Syntax]. Moscow, Nauka, 207. (in Russian)
15. Кубрякова Е.С. 2000. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике. В кн.: Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров М., 7-25.
- Kubryakova E.S. 2000. O ponjatijah diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoj lingvistike [On the concepts of discourse and discursive analysis in modern linguistics] In: Diskurs, rech', rechevaja dejatel'nost': funkcional'nye i strukturnye aspekty: Sb. Obzorov. Moscow, 7-25. (in Russian)
16. Макаров М.Л. 2002. Основы теории дискурса. М., ИТДГК «Гнозис», 280.
- Makarov M.L. 2002. Osnovy teorii diskursa [Fundamentals of Discourse Theory]. Moscow, ITDGK «Gnozis», 280. (in Russian)
17. Москальская О.И. 1981. Грамматика текста. М.
- Moskal'skaja O.I. 1981. Grammatika teksta [Grammar text]. Moscow. (in Russian)
18. Пешё М. 1999. Контент-анализ и теория дискурса. В кн.: Квадратура смысла. М., 302-336.
- Peshjo M. 1999. Kontent-analiz i teorija diskursa [Content analysis and discourse theory] In: Kvadratura smysla. Moscow, 302-336 (in Russian)
19. Седых А.П. 2013. Французская языковая личность. Когнитивно-коммуникативный аспект (монография). Белгород: ИД «Белгород», 244.
- Sedykh A.P. 2013. Francuzskaja jazykovaja lichnost'. Kognitivno-kommunikativnyj aspekt [French language personality. Cognitive-communicative aspect] (monografija). Belgorod: ID «Belgorod», 244 (in Russian)
20. Седых А.П. 2011. О персониферу французской культуры. В кн.: Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 2, 154-156.
- Sedykh A.P. 2011. O personosfere francuzskoj kul'tury [On the personal sphere of French culture]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, № 2, 154-156. (in Russian)
21. Степанов Ю.С. 1995. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности. В кн.: Язык и наука конца XX века. Сб. статей. М.: РГГУ, 35-72.
- Stepanov Ju.S. 1995. Al'ternativnyj mir, Diskurs, Fakt i princip Prichinnosti [Alternative world, Discourse, Fact and principle of Causality]. In: Jazyk i nauka konca XX veka. Sb. statej. Moscow, RGGU, 35-72. (in Russian)
22. Тураева З.Я. 1986. Лингвистика текста: Текст: структура и семантика. М., Просвещение, 127.
- Turaeva Z.Ja. 1986. Lingvistika teksta: Tekst: struktura i semantika [Linguistics of the text: Text: structure and semantics]. M., Prosveshhenie, 127. (in Russian)
23. Фуко М. 1996. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 208.
- Fuko M. 1996. Arheologija znanija [Archeology of knowledge]. Kiev: Nika-Centr, 208. (in Russian)
24. Хайдеггер М. 1993. Время и бытие. Статьи и выступления. 447.
- Hajdegger M. 1993. Vremja i bytie. Stat'i i vystuplenija [Time and Being. Articles and speeches]. – Moscow, 447. (in Russian)
25. Шевцова Н.В. 2003. Научный дискурс и его лингвистическая прагматика. В кн.: Пед. унив. вестн. Алтай. Барнаул, 113-116.
- Shevcova N.V. 2003. Nauchnyj diskurs i ego lingvisticheskaja pragmatika [Scientific discourse and its linguistic pragmatics]. In: Ped. univ. vestn. Altaja, 113-116. (in Russian)
26. Augé М. 1994. Pour une anthropologie des mondes contemporains. Paris, Aubier.
27. Bayle D., Humeau M.-S., 1992. Valoriser le patrimoine de sa commune par le tourisme culturel. Paris, Editions du Moniteur.
28. Chafe W. 1996. Beyond Beads on a string and Branches in a Tree. Conceptual Structure, Discourse, and Language ed. By Adele Goldberg. Stanford: Center for the Study of Language and Information, 49-65.
29. Collardelle M., 1998. Montferrand. La fréquentation des lieux culturels et non culturels en France métropolitaine en 1991 et en 1996. Paris, Observatoire National du Tourisme.
30. Cousin S. 2002. L'identité au miroir du tourisme, Usages et enjeux des politiques de tourisme culturel, Thèse de doctorat. Paris, Ehess.
31. Cousin S. 2007. L'Unesco et la doctrine du tourisme culturel. Généalogie d'un «bon» tourisme, Actes de la Recherche en Sciences sociales.

32. Fairclough N. 2000. Discourse, social theory and social research: the discourse of welfare reform. In: *Journal of Sociolinguistics*, 4, 163-195.
33. Harré R., Gillett G. 1994. *The Discursive Mind*. London: Thousand Oaks, 192.
34. Harris Z.S. 1952. Discourse analysis. In: *Language*, vol. 28, 1-30.
35. Lanfant M.-F., Allcock J.B., Bruner E.M. (dir). 1995. *International Tourism: identity and Change*. Londres, Sage.
36. Le Menestrel S. 1999. *La voie des Cadiens. Tourisme et identité en Louisiane*. P.: Belin.
37. Malraux A. 1963. Présentation du budget des affaires culturelles 9 novembre 1963. In: *J.O. Débats Assemblée nationale*, n° 123, 10 novembre 1963, p. 7087-7094. [Электронный ресурс]: http://www.assemblee-nationale.fr/histoire/andre-malraux/discours/malraux_9nov1963.asp
38. Patin V. 2012. *Tourisme et patrimoine*. P.: La Documentation française, 206.
39. Picard M. 1992. *Bali: tourisme culturel et culture touristique*. P.: Harmattan.
40. Réau R. 2005. *Clubs de vacances et usages sociaux du temps libre. Une histoire sociale du Club Méditerranée*. Thèse de doctorat en sociologie. P., EHESS.
41. Rogers S. 2002. «Which Heritage? Nature, Culture and Identity in French Rural Tourism», *French Historical Studies* 25 (3), 475-503.
42. Urbain J.-D. 1993. *L'idiote du voyage. Histoires de touristes*. P.: Payot.
43. Urbain J.-D. 2002. *Les vacances. Idées reçues*. P., Le Cavalier bleu.
44. Winkin Y. 2001. *Anthropologie de la communication: de la théorie au terrain*. P., Points, Seuil.